

Hört ich Amorn an die Thüre
Des verschlossnen Hauses klopfen».¹

У Ломоносова взамен этих строк:

«Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон. . .»

Но встречаются у него и строки, близкие переводу Готшеда. Например, у Готшеда:

«Das bewegte mich zum Mitleid:
Drum ergriff ich meine *Leuchte*
That ihm auf und sah den Knaben. . .»

У Ломоносова:

«Тогда мне жалко стало,
Я *свечку*² засветил,
Немедливши ни мало
К себе его пустил».

Позже Ломоносов еще раз перевел оду «К лире», включив ее в свой «Разговор с Анакреоном», напечатанный лишь после его смерти, в 1771 г.

«Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил,
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят».

На этот раз Ломоносов перевел оду «К лире» рифмованными стихами, отступив от правил Готшеда, употребил чередование мужских и женских рифм и ввел пиррихий. Готшед, вероятно, упрекнул бы поэта в том, что он, гоняясь за рифмой, в первой же строке заговорил о Трое, тогда как надлежало бы говорить об Атридах.

¹ Beiträge, Bd. II, 161.

² Курсив мой. Е. Д.